

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТЭССА РЭЙ
СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

18+

БРАТ МУЖА

*Наследник
любой ценой*

Тэсса Рэй

Брат мужа. Наследник любой ценой

<https://litres.ru/73211573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя беззаботная красивая жизнь закончилась после внезапной гибели мужа при загадочных обстоятельствах.

Я пошла за ответами к его младшему брату, который считает меня избалованной содержанкой.

Он – настоящая сволочь, распутник и талантливый врач.

И он обещал помочь мне, но при одном условии: если я рожу ему ребенка.

– У тебя нет другого выбора, куколка, – заявил он, рассматривая меня как кусок мяса. – Либо соглашаешься на мои условия, либо выгребай сама.

Я пожала плечами, изображая равнодушие.

– Окей, давай сделаем это.

В конце концов, он в этом профи, одна маленькая подсадка никому не повредит. Я ведь все равно хотела ребенка.

– Где процедурный кабинет?

Он хмыкнул, словно я сказала чушь.

– Какой еще процедурный кабинет? Я не собираюсь тратить на тебя ни копейки, я тебе не мой брат. – Он достал из кармана ключи от своей квартиры и, подбросив в воздухе, кинул мне. – Марш в мою квартиру. Вечером к моему приходу чтоб была готова

И ушел, даже не взглянув на меня.

Содержание

От автора	5
1	6
2	12
3	19
4	27
5	33
6	40
7	48
8	55
9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Тэсса Рэй

Брат мужа. Наследник любой ценой

От автора

!ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Книга содержит очень откровенные сексуальные описания, их очень много (тем, кому такое не нравится, можете их пролистывать, сюжет там тоже есть)) и ненормативную лексику (Не много, но есть!).

Все действия персонажей, являются частью художественного замысла; автор не пропагандирует и не одобряет подобные привычки.

Роман о сестре Эрики - Эле, героине ["Муж подруги. Необычное предложение"](#)

Книги можно читать отдельно, они между собой сюжетно никак не связаны (хотя сестры Сапрыкины тут все есть).

Эрика

Я сидела на дизайнерском диванчике, обитом кожей цвета слоновой кости, поглощенная глянцевым журналом, но на самом деле наблюдала за происходящим вокруг.

Надо отдать должное частной клиники моего мужа (на самом деле, одной из многих!) – тут все было на высоте.

Врачи в белоснежных халатах сновали туда-сюда, шурша папками с медицинскими картами.

Пáры, в основном молодые, томились в ожидании у дверей кабинетов. У одних женщин уже отчетливо проглядывали животики под просторными туниками, в глазах светилась надежда и трепет.

Женщина напротив меня нервно теребила ручку сумочки, пытаясь скрыть волнение за маской равнодушия.

Во взглядах читалась смесь страха и ожидания чуда.

Впрочем, их любопытные взгляды то и дело возвращались ко мне.

Я здесь явно не вписывалась. Словно сошла с другой планеты в этот мир материнства.

Мой кашемировый костюм от запрещенного бренда, туфли на шпильке и бриллиантовое кольцо никак не вязались с атмосферой клиники репродуктивной медицины.

Я чувствовала себя экспонатом в музее современного искусства. Они смотрели на меня с любопытством, смешанным с легкой завистью и, возможно, осуждением.

Богатая молодая жена владельца клиники, которой, казалось, не знакомы проблемы, с которыми сталкивались они.

Я же чувствовала себя виноватой, хотя и не понимала почему. Муж все еще не приехал, и ожидание начинало тяготить.

Из одного из кабинетов, с табличкой «Старший акушер-гинеколог Боженев Евгений Викторович», вышел мужчина в халате лет тридцати.

Высокий, стройный, с небрежно расстегнутым воротом идеально выглаженной рубашки, он первым делом обвел взглядом коридор.

Его глаза – глубокие, цвета грозового неба, с россыпью золотистых искр – словно сканировали пространство.

Четко очерченные скулы, прямой нос, чувственные губы, тронутые легкой полуулыбкой, – Боженев являл собой воплощение мужественной красоты.

Он был как ожившая скульптура эпохи Возрождения, только в современном антураже.

Женщины вокруг замерли, зашептали.

В его присутствии все вокруг казалось менее значительным, менее важным. Он был словно эпицентр притяжения, источник света в этом стерильном мире ожидания.

Но вот его взгляд задержался на мне, сидящей на диван-

чике.

Полуулыбка мгновенно исчезла, уступив место строгому, даже мрачному выражению. Нахмутив безупречные брови, он бросил взгляд на часы.

Мгновенно моя кожа покрылась предательскими нервными пятнами.

Сердце застучало с бешеной скоростью, словно пытаюсь вырваться из груди.

После того инцидента в его кабинете я больше не могла смотреть ему в глаза.

И сейчас мне хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться в воздухе, лишь бы не сталкиваться с его взглядом.

Это был родной младший брат моего мужа.

Молодой и очень талантливый, по словам женщин и семей, мечтающих завести детей.

Но я наслышана о совершенно другом таланте – за закрытыми дверьми спальни.

Распутник, любитель женщин, самый известный молодой холостяк столицы.

Кто только за ним не гонялся в попытке заарканить и приручить такую добычу.

Богатый, одаренный мозгами и большим достоинством (так поговаривают, я сама лично не проверяла), да еще и врач – мечта, а не мужик!

Хм, каждому свое.

Я терпеть его не могла. Видела, что за его милыми улыбочками скрывается настоящая сволочь, совершенно не уважающая женщин.

Мой муж, Александр, был полной противоположностью брата. Серьезный, ответственный, посвятивший себя бизнесу и, казалось, совершенно не замечавший женского внимания, направленного на него.

Он был надежным, как скала, и совершенно предсказуемым. С ним я чувствовала себя в безопасности, хотя и... несколько скучно. Но это уже другая история.

Евгений, напротив, казался воплощением хаоса. Его легкость меня раздражала. Я видела за ней пренебрежение, эгоизм и цинизм. Он смотрел на женщин, как на трофеи, и мне было от этого противно.

Он работал в клинике, принадлежащей моему мужу, но фактически находящейся под его контролем.

Золотой мальчик, купающийся в славе и поклонении... пф!

– Мой брат еще не подошел? – спросил он.

Черт, его голос... я и забыла какой у него бархатный тембр, приятный, чарующий, аж мурашки побежали по коже.

Я не отрывала взгляда от журнала, стараясь выглядеть незаинтересованной.

Честно говоря, думала, вопрос был адресован одной из его помощниц или медсестер, коих вокруг всегда крутилось

предостаточно.

И только когда он коснулся указательным пальцем моего журнала, опустил его вниз, глядя на меня, слегка приподняв бровь, я поняла, что он спрашивал у меня.

Я отзеркалила его морду, без слов говоря: "А ты сам не видишь?"

Мой взгляд говорил все за меня – презрение, неприязнь и желание поскорее покинуть его поле зрения.

В его глазах мелькнула тень, то ли удивления, то ли злости, но он тут же взял себя в руки.

Этот человек привык получать то, что хочет, и, судя по всему, мое нежелание сотрудничать его раздражало.

Что ж, тем интереснее. Я не собиралась ему уступать.

Раздался звонок моего телефона.

Я подняла трубку, увидев на заставке нашу с Сашей свадебную фотку, и промурлыкала нарочито громко и кривляясь, строя из себя типичную дурочку-блондинку.

– Да, мусик, ты где? Мы тебя заждались!

Но в трубке прозвучал другой голос, чужой, резкий, сдержанный, от которого у меня пробежал мороз по спине.

Сердце предательски булькнуло. По телу разлилось ледяное предчувствие.

Что-то было не так, что-то ужасное...

– Говорит капитан полиции Петренко. Вы являетесь супругой Александра Викторовича...

И дальше я почти не слышала. Слова, как обрывки в со-

знании.

Авария... мгновенная смерть... погиб на месте...

Телефон выпал из моей руки, глухо стукнувшись о мраморный пол.

Мир вокруг расплывался, теряя краски и очертания. В голове загудело, словно в улье, а в груди разрасталась пустота...

Из глаз хлынули слезы, обжигая щеки. Я не могла пошевелиться, не могла вымолвить ни слова.

Я подняла на Евгения невидящий взгляд.

Просто смотрела на его размытое, хмурое лицо, словно в нем могла найти ответ, объяснение, опровержение...

Мир рухнул.

Женя

“Мусик”...

Какая жесьть!

Бедный Санёк.

Человек владеет десятками частных клиник по всей стране, к нему министр здравоохранения обращается, как Александр Викторович.

А она Мусик. Бр!

Хотел отвернуться и уйти, но что-то, видимо, пошло не так...

Она слушала голос в своем телефоне, выронила его, лицо стало блее операционной простыни и, кажется, вот-вот отключится.

Ну нет, нет, только не здесь, только не в мою смену!

Не знал, за что хвататься, то ли телефон поднять, узнать, что случилось, то ли ее саму ловить, чтоб не растянулась во весь рост на моем чудесном мраморном полу.

Среагировал на автомате. Привычка, что ли, профессиональная. Сделал и то, и другое одновременно.

Подхватил ее под руки, чтоб не рухнула, и попутно закричал, чтоб принесли воды и нашатырь – люблю, когда вокруг меня бегают.

Еще и мой телефон в кармане, начал трезвонить как ненормальный.

Но как тут отвлечься от драмы и посмотреть, кто там у нас такой настойчивый?

А вдруг с Сашкой что? Вдруг он влип во что-то серьезное? Брат, как-никак, хоть и тормоз местами.

Телефон надрывался.

Ладно, разберемся.

Поднял трубку, а там какой-то черт начал заунывно читать про аварию.

Сказать, что я охренел, – ничего не сказать.

Сашка... насмерть? Да быть такого не может!

Не поверю, пока сам лично не увижу.

Узнав адрес, я понял, что сидеть сложа руки не смогу. Пусть даже шансы что-то изменить равны нулю, я должен быть там.

С невесткой разобрались быстро. Сбагрил ее нашим медсестрам – пусть нянчатся, у меня сейчас дела поважнее.

Вырулил со двора клиники, вдавил педаль в пол. Машина редела, пожирая километры, разделяя мою собственную ярость и отчаяние.

За стеклом мелькали пейзажи – серые, безжизненные, как и мое нынешнее состояние. Но я их не видел. Все мысли были там, на месте аварии.

Внутри бушевал хаос. Тревога, страх, неверие...

Господи, да как такое вообще могло случиться? Сашка...

Вчера еще звонил, хвастался какой-то новой сделкой, строил планы на будущее. А сегодня...

Трясущимися руками сжимал руль. Перед глазами лицо старшего брата.

Нет, я отказывался в это верить. Должно быть какое-то чудовищное недоразумение.

Сейчас приеду, а он там стоит, ругается на помятый бампер и говорит, что все хорошо. Просто неудачный день.

Подъехал, затормозив резким визгом шин.

Оранжевые проблесковые маячки полицейских машин, толпа зевак, стояла на почтительном расстоянии.

Но взгляд сразу же зацепился за другое – за смятый, искореженный кусок металла, некогда бывший роскошным спорткаром Александра Боженова.

От машины почти ничего не осталось. Удар был такой силы, что переднюю часть смяло в гармошку, превратив ее в бесформенную грудю железа.

На лобовое стекло даже смотреть было страшно – трещины, как паутина, скрывали за собой лишь темную пустоту. Было очевидно, что выжить здесь было невозможно. Никаких шансов.

Место аварии... центр города. Как можно было тут не справиться с управлением? Следы от тормозов, резко уходили на встречу. В лоб автобусу.

Припарковавшись на обочине, я какое-то время сидел неподвижно, словно пытаюсь убедить себя, что все это – кош-

марный сон.

Но зрение, обоняние, слух – все кричало о реальности происходящего.

Вышел из машины, словно погружаясь в вязкую, тягучую субстанцию. Ноги стали ватными, тело – непослушным.

Подходя к искореженному спорткару, я чувствовал, как к горлу подступил тошнотворный комок, в висках стучало, а перед глазами все плыло.

Неверие сменялось отчаянием, а отчаяние – тупой, режущей болью. Я видел эту машину, сам помогал Сашке выбирать ее, помнил его радость, когда тот впервые сел за руль.

Остановившись в нескольких метрах от искореженного спорткара, я так и не смог заставить себя подойти ближе. Слишком страшно, слишком тяжело.

Просто стоял, опустил голову, и пытался осознать, то, что видел...

“Ты хотел убедиться? Доволен?” – спросил у самого себя.

Стоял, как истукан, глядя на эту грудку металла и слушая невнятное бормотание зевак.

В голове не укладывалось, как вот это... это месиво... могло быть машиной моего брата.

Потом слышал обрывки разговоров. Какие-то люди, жадно вытягивая шеи, перешептывались, хвастаясь, что видели эту тачку на перекрестке за несколько секунд до аварии.

Болтали о скорости, о рискованном вождении. А потом... Потом один из них, ухмыляясь, заявил, что видел, как с во-

дителем сидела пассажирка. Да не просто сидела, а... делала ему минет.

Меня словно кипятком ошпарило. Хотел развернуться и с размаху врезать этому придурку, выбить из него эту мерзкую ложь.

Кулак уже сжался, злость душила, хотелось просто уничтожить эту мерзость, но... что-то меня остановило. Инстинкт, наверное. Понял, что не стоит тратить силы на этого идиота, сейчас важнее другое.

Как-то само собой получилось, что натолкнулся на полицейского в форме, представился братом погибшего, и, к моему удивлению, он, немного поколебавшись, выдал мне полную информацию. Точнее, попытался смягчить удар, но получилось плохо.

И худшее подтвердилось. Да, в машине с Сашкой была пассажирка. Молодая женщина. И она тоже погибла. И то, как ее нашли... Именно так, как эти парни болтали, она и была найдена.

Внутри все похолодело.

Этого не может быть. Просто не может быть!

Какая-то мерзость, грязь, пропитавшая все вокруг. Вперемешку с запахом горелого металла и крови. Все это казалось кошмарным сном. От которого хотелось проснуться.

Но сон, к сожалению, оказался реальностью. Жестокой, циничной, невыносимой реальностью.

Если бы Сашка просто гнал, не справился с управлени-

ем... Это было бы еще можно хоть как-то понять. Но это... Эта женщина... Этот эпизод в последние секунды его жизни...

Он все испортил. Замарал его память. Превратил трагедию в грязную историю.

– Ну, ты, Сань, и придурок! – прошептал я куда-то вверх.
– Я тебе такой проёб никогда не прощу. Даже мертвому.

Закончив с формальностями, чувствовал себя totally выжатым.

Голова гудела.

Набрать родителям оказалось сложнее всего.

Как в тумане, сообщил им страшную новость, ловя обрывки фраз, перемешанных с их криками и причитаниями. Приехать к ним за сотни километров просто не было сил.

Вернулся в больницу под вечер.

Зачем – не знаю. Смена по сути закончилась, но я не заметил, как пролетело время.

Внутри – пустота. Оцепенение. Ни злости, ни горя, лишь ледяная пустота.

В памяти всплывали обрывки разговора с матерью, ее надрывный плач, бессильная ярость отцовского голоса...

Завтра утром надо ехать к ним. Завтра...

И как-то постараться замять эту чертову историю с женщиной-пассажиркой. Никто не должен знать грязную правду. Никто!

Набрал номер знакомого, у которого были нужные свя-

зи, объяснил ситуацию, попросил сделать все возможное. Неважно, сколько это будет стоить. Лишь бы родители не узнали об этой мерзости. Никто не узнал.

Хотелось лишь одного – просто напиться. До беспамятства.

Ввалился в свой кабинет, захлопнул дверь, даже свет не включал, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза.

Хотелось просто провалиться в темноту, чтобы ничего не видеть, ничего не слышать, ничего не чувствовать.

И вдруг обомлел.

Черт! На маленьком диванчике, свернувшись калачиком, лежала она – Эрика.

Как я мог за нее забыть? Господи, что она здесь делает?

И самое главное – что я ей скажу?

Эрика. 3 года назад

Отец, когда мы были детьми, придумал для нас прозвище "три сестрицы под окном". С тех пор мы используем это название для наших встреч.

За большим круглым столом, уставленным тарелками с десертами и бокалами с игристым вином, мы отмечали день рождения Эли. Моей младшей сестренки.

Двадцать три года назад, она едва не покинула нас, запутавшись в пуповине, еще не успев вдохнуть этот мир.

Благодаря профессионализму врачей и чуду Элю спасли.

Возможно, именно история чудесного спасения Эли в роддоме подсознательно повлияла на мой выбор профессии.

Наслушавшись маминых рассказов о самоотверженной работе врачей, я и решила стать акушером.

Эля всегда была самой миниатюрной и хрупкой из нас троих. С детства она купается в родительской любви и внимании, и, кажется, ни в чем не знает отказа.

Всем, кроме любви мужской. Парадокс, но ей катастрофически не везет с мужчинами.

— За тебя, моя дорогая, — подняла бокал, глядя на сестру. Такая миленькая сделала кудри. Неужели нет еще такого мужика, который не потерял от нее голову? — Пусть все твои

начинания сбудутся!

Об одном из начинаний я недавно узнала от мамы. Наша скромница пишет такие горячие романы, что сердце выскакивает. До мокрых трусов, честное слово!

Но мы решили не говорить ей о том, что знаем ее секрет, чтобы не сдерживать ее в творчестве, чтобы не оглядывалась на то, что подумают знакомые.

– Чего так мало? – возмутилась я, глядя, что она сделала всего глоток.

– Завтра работы много, босс из командировки возвращается, начнет всех раком ставить, как обычно... – грустно вздохнула Эля.

– А ты нагнись и получай удовольствие, – вставила наша средняя сестра Эмма, наконец отрываясь от телефона.

Эля нахмурилась, краснея:

– Нет, он же начальник... нельзя.

– Пф! – фыркнула я, допивая бокал. Хотя, надо бы придержать коней, завтра на смену. – Я тебе уже говорила, что он к тебе не ровно дышит.

– Ой, да ты про всех так говоришь, лишь бы меня пристроить. Как котенка в добрые руки! – Отмахнулась Эля.

– А ты и есть котенок, – погладила ее по волосам Эмма и обратилась ко мне. – Расскажи про своего Сашу... или как его...

– Да, он такой мусик! – расплылась в улыбке я. – Увидела его в процедурном... Не помню зачем туда заглянула, он ме-

ня с медсестрой перепутал. Пришел на укол. Ну и я решила посмотреть на его задницу.

– То есть, знакомство началось не с лица, – заметила Эмма, снова возвращаясь к телефону.

– И я ни о чем не жалею, он так шутил, я от смеха не могла сосредоточиться и попала ему в сосуд.

– Кровопускание. Супер, отлично себя зарекомендовала, – отсалютовала бокалом Эмма.

– Не знаю, девочки, он меня сразу очаровал! В этот же вечер подкараулил меня на выходе из клиники и повез в “Крышу”.

– Было бы забавно, если б к маме с папой, – заметила Эля с игривой улыбкой. (Наши родители – владельцы сети ресторанов.) – Заодно бы и познакомились.

– Он все про меня знал к тому моменту, навел справки, – рассказывала я. – Мы все время смеялись, это поразительно! А в ресторане он вечно всем пожимал руки и...

– Как его зовут, погуглю, – Эмма уже открыла поисковую ленту.

– Александр, а фамилии я не знаю...

– В наше время надо знать о мужике все: имя, фамилия, инн, справка от венеролога и психдиспансера, – заметила Эля.

– Долги, алименты и судимости! – вставила Эмма.

– Ну, девочки, я же не могу все это требовать после первого свидания.

– Верно, нужно было ДО него, – кивнула Эля, улыбаясь.

Мы втроем вздохнули. Надо же, как мало нам, женщинам, стало нужно. Мужчина просто сводил в ресторан поужинать на первом свидании, и ты уже подсознательно даешь ему шанс. Просто потому, что он хотя бы не скупердяй и не считает тебя тарелочницей.

– И что же, он тебя просто посмешил и... все? – Эмма отложила телефон.

– Да, это и все, – пожала плечами я, сама не веря. Даже не поцеловал.

– Но, я вижу, ты была бы не против, – Эмма задвигала плечами, будто танцуя. – Как он вообще? Горячий? Раз на свидание пошла, о том, какая у него все-таки задница даже не спрашиваю, и так понятно...

– Не знаю, девочки, так хочется наконец настоящей любви! – грустно вздохнула я. – Как у мамы с папой.

– Да у нас пример эталонный, такому сложно соответствовать, – кивнула Эмма.

Эля о чем-то задумалась. Она часто улетала куда-то в своих мыслях. И теперь, зная ее тайну, я хотя бы понимала, что она, возможно, прямо сейчас прокручивает какой-то сюжет в голове.

– А мне хочется простого женского, – выдавала младшенькая мечтательно, – чтобы кто-то толкнул на кровать, прижал лицом в подушку, заломал руки и хорошенько...

– Если что, ты говоришь это вслух, – шепотом предупре-

дила я. – Вдруг ты не в курсе.

Эля моргнула, вытянулась и покрылась румянцем. Мы с Эммой покатались со смеху. А я подняла тост с новым наполненным бокалом до краев:

– Пусть эта прекрасная мечта осуществиться у каждой!

Эмме снова пришло сообщение, и я не выдержала, когда она схватилась за телефон.

– Кто там у тебя? – спросила я, заглядывая ей в экран, а сестра отвернула.

– Да так, по работе...

Эмма занималась созданием одежды для женщин класса люкс. Мы с Элей были ее постоянными моделями и покупателями еще с детства.

Из нас троих она пока что реализовалась в профессии лучше всех.

– Давай ее защекочим? – предложила Эля. – Я на правах именинницы требую подробностей.

– Ой, да там ничего серьезного, парень один... младше меня, постоянно ко мне клеится.

– А я вижу тебе так неприятно, так неприятно, – прокомментировала я, глядя как она с улыбкой быстро что-то напечатала.

– Ну, он... настойчивый.

– И правильно, – кивнула Эля. – Мужчина должен добиваться женщину всеми известными ему способами.

– Ну, да, ну да, – скептически цокнула Эмма. – Это рабо-

тает не со всеми. Ты же первая побежишь с криками, если кто-то потащит тебя в пещеру.

– Она только что сказала, что хочет, чтоб ей руки заломали и вые-...

– Девочки, какие вы... – Эля опять покраснела.

Я получила сообщение и отвлеклась, не дослушала.

Неизвестный номер: “Когда я снова смогу увидеть тебя, красавица?”

Ой-ёй... кажется, я улыбаюсь, как дура.

– Так, это что такое началось? – насупилась наша именинница. – И ты тоже в телефон ушла?

– Мне Саша написал, хочет снова встретиться.

– Пиши свой домашний адрес, пусть сразу к чаю что-то прихватит, – посоветовала Эмма. – И подскажи ему про руки, чтоб заломал и в подушку...

– Ха-ха! Он мне нравится, но он старше лет на... не знаю, лет на десять может. А вдруг у него есть жена или семья?

– А ты не спросила? – Эмму вообще разница в возрасте не смущала, она когда-то в универе с преподом – будущим ректором так отжигала – мама дорогая!

– А ты думаешь он честно признается?

– Эти мужики, их фиг раскусишь, с тобой он может быть масиком, а на самом деле – мерзким изменником, – философски изрекла Эмма. – Соглашайся на второе свидание и устрой ему допрос с пристрастием. А если пройдет допрос, то устрой ему пристрастие.

– Я бы даже выпила за этот план, – Эля подняла бокал с улыбкой. – По последнему, и я поеду Димона кормить.

– Твоя идея назвать кота именем босса меня убивает, честное слово, – засмеялась Эмма.

– Я тоже по последнему, и расходимся, мне завтра на смену. Дети сами себя не родят. Да еще на курсах скоро экзамен, я из-за них меньше смен беру, а у меня срок аренды подкрадывается...

– Смерь аппетита, сними квартиру поменьше, если не справляешься, – Эмме легко говорить, у нее дела в гору пошли. А Эле родители подарили квартиру в честь окончания учебы. Я же строила из себя супер-самостоятельную личность и работала на износ...

– Эта квартира близко к больнице и к клинике, в которой я подработку взяла.

– Что за клиника?

– Какого-то нашего мецената, Боженова... забыла как его там...

– Ща погуглим, – Эмма снова взялась за телефон. Но на самом деле мы знали, что дело вовсе не в праздном любопытстве, она хотела снова прочитать, что же ей написал ее молоденький преследователь. Не осуждаем. – О, а он горяч! Смотрите.

Эмма показала Эле экран, и пока обе восторгались моим боссом, я написала ответ Саше:

“Я завтра на смене, но могу выкрасть время в обеденный

перерыв”

Тут же заплясали точки, он писал ответ, а я снова улыбалась.

Он мне нравился. Точнее не так: мне нравилось то, как я нравилась ему, как красиво и эталонно он за мной ухаживал. Это подкупало.

Мусик: “Думаю, я знаю что делать. Доверься мне, красавица”

Ну все. Купил.

На счет доверия только пунктик остался. Как заноза под ногтем. Жить не мешало, но свербило и неприятно ныло. Не может быть, чтобы все было настолько хорошо.

Завтра я обязательно проведу допрос и все узнаю.

– Эй, ты будешь на своего мецената-босса смотреть, Эрика? – позвала меня Эмма, вручая мне свой телефон. – Скажи, горяч?

Я взглянула на экран и...

– Вот, черт, девочки...

– Что? Что там? – вытянулась Эля.

– Только не говори, что ты его знаешь! – вторила Эмма.

О, это просто какой-то сюжет из мелодрамы!

Я смотрела на фото того самого Александра... Саши... мусика, с которым завтра договорилась пообедать.

Женя. 3 года назад*******

– Ты водишь, как конченный ублюдок, – проворчал Санёк, инстинктивно хватаясь за ручку на двери.

Его нога рефлекторно дернулась к воображаемому тормозу. Лицо побледнело. Ей богу, как ребенок!

Приборная панель вспыхнула неоном, на зеленом я чуть выждал, а потом снова утопил педаль газа в пол.

Моя новая малышка не издала ни звука, а мир вокруг расплылся в серой дымке.

Разгон был сумасшедший, как на аттракционе "Формула Росса" в Абу-Даби, когда тебя вдавливают в сиденье с нечеловеческой силой.

Я не сдержал восторженного крика, дикого, первобытного. Адреналин ударил в голову, заставляя кровь кипеть в венах.

Мы остановились в нескольких сантиметрах от авто перед нами.

– Как человек, каждый день помогающий появиться новой жизни, может так отчаянно пытаться лишиться своей? – проворчал Сашка.

Мой старший брат. Мой антипод.

Для всего мира – ангел во плоти, меценат, благодетель.

Он взял на себя управление семейным делом: больницами, целой сетью аптек и своевременной поддержкой роддомов. Благодаря этому он завоевал любовь и уважение всех окружающих.

Он построил с нуля несколько частных клиник, оснащенных по последнему слову техники, куда стекались роженицы со всей области.

Идеальный внук, сын, идеальный брат, идеальный гражданин. Портрет хоть сейчас на обложку журнала "Здоровье".

И все это – лишь тщательно выстроенная, филигранно отшлифованная компенсация.

Я видел его насквозь, ведь мы делили одну комнату в детстве, ели из одной тарелки, вместе прошли через первые ссадины и разочарования.

Я помнил его другим. Запуганным. Тревожным. Вечно пытающимся угодить взрослым. Отличником, зубрилой, спортсменом – всем сразу, лишь бы получить хоть толику одобрения. Не важно от кого.

Сегодня я заметил в нем перемены.

Обычно, уткнувшись в телефон, он погружался в пучину деловых вопросов, переговоров, финансовых отчетов – всего того, что составляло львиную долю его жизни.

Этим утром в его глазах плясали чертята, а привычная деловая хватка сменилась рассеянностью.

Да, он постоянно сидел в телефоне, но я знал его слишком хорошо. Понимал, что это не бизнес. Не в этот раз.

Эта придурковатая, совершенно несвойственная ему улыбка на лице выдавала все с головой. Она делала его каким-то по-детски молодым и счастливым. Несмотря на то, что через три года ему стукнет сорок.

Я не удержался:

– Как ее зовут?

Брат засмеялся, заливисто, как мальчишка.

– Все так очевидно?

– Мне – да.

Несколько секунд он молчал, словно собирался с мыслями, потом вздохнул и выдал:

– Я влюбился, брат.

Я кивнул, не отрываясь от дороги.

– М-хм. А твоя жена, с которой ты разводишься, в курсе?

Сашкино лицо немного вытянулось, но он быстро взял себя в руки.

– Ну, я же развожусь. С Аллой все кончено.

– Она так не думает. Вчера заходила, спрашивала у меня, можно ли ей тебя вернуть.

Я отпил глоток кофе на вынос, искоса наблюдая за его реакцией. Он явно не ожидал такого поворота.

– А до этого была Марина, первая жена, про нее ты говорил то же самое, что ты влюбился, – продолжал я в своей манере. – Сколько она у тебя оттяпала?

Я знал, что играл грязно и бил по самому больному, вместо того, чтобы просто порадоваться за брата. Но его наив-

ная вера в женскую искренность меня просто убивала.

Зубастая акула в бизнесе и доверчивый щенок с бабами. Особенно, с хорошенькими. И, как правило, с последними, все всегда заканчивались печально для его кошелька.

– Эта особенная!

– Мой тебе совет, трахай ее сколько влезет, не обязательно при этом жениться...

– Именно поэтому у тебя никогда не было серьезных отношений.

– У меня нет на это времени, – уклончиво ответил я.

– У меня тоже нет, но для такой девушки я всегда его найду: она и умная, и смешная, и горячая, и брюнеточка...

– Хм, брюнетка? Это что-то новое. Я думал ты по блондинкам больше.

– Я же говорю, она особенная.

– Ну-ну... – усмехнулся я, убирая кофе в подстаканник и паркуясь.

Сегодня был великий день.

Мы подъехали к зданию суда, чтобы услышать завещание деда – основателя империи клиник и держателя контрольного пакета акций.

Для меня это событие не значило ровным счетом ничего. Я никогда не лез в эти дела, меня вполне устраивала моя работа в роддоме и клинике.

А вот Сашка фактически всем управлял, приумножил состояние деда в разы. Он заслуживает этот пакет акций. Без-

условно.

Мы сидели в зале заседаний, в окружении юристов, родственников, прочих заинтересованных лиц. Атмосфера была... скучная.

Адвокат откашлялся и начал зачитывать решение деда. Я слушал и... офигевал!

Дед, как оказалось, создал доверительный фонд сроком на 4 года. Совет управления будет руководить фондом до наступления определенного условия. 70% акций замораживаются.

Условие простое и одновременно парадоксальное: у нас с Сашкой должны появиться наследники.

Если через 4 года наследник будет только у одного из нас – ему достаются все 70%.

Если наследники будут у обоих – акции делятся пополам, по 35% каждому.

А если ни у одного из нас наследника не появится, весь пакет акций и управление переходят к совету директоров.

Я выслушал решение деда с легким недоумением. Зачем такие сложности? Не проще ли было просто отписать акции Сашке?

Но потом до меня дошло. Дед всегда был с причудами. Он считал, что настоящий лидер – тот, кто строит не только бизнес, но и семью.

Рождение ребёнка – маркер ответственности.

А Санёк в последнее время развлекает себя женидьбо-раз-

водами, а я... я вообще не собирался жениться.

Зачем? Если у меня и так доступ к вагинам круглыми сутками. Ха! Фигурально и буквально.

Когда у меня возникает потребность пожрать, я жру. И предпочитаю не ограничивать себя пожизненным выбором одного и того же блюда.

– ...семья и продолжение рода – высшая ценность. Пакет акций – не просто актив, а “достояние рода”.

На этих словах судья закончил зачитывать завещание нашего старика.

Меня вся эта история позабавила. Но я искренне порадовался за Сашку.

Похлопал его по плечу.

– Ну, брат, поздравляю! Тебе достанется все. Делов-то – родить наследника!

Но брат ничего не ответил. Сидел неподвижно, как статуя, и смотрел в одну точку.

В его глазах застыл какой-то непередаваемый ужас.

Что-то явно пошло не так...

Женя. 3 года назад*******

Прошло уже больше суток с тех пор, как мой брат по-тихому вышел из суда и исчез. Словно растворился в воздухе.

Я перевернул весь город, обзвонил всех его знакомых, даже тех, с кем он, казалось, давным-давно потерял связь. Никто ничего не знал. Никто его не видел.

Телефон молчал. Автоответчик неустанно повторял одну и ту же фразу: «Абонент временно недоступен».

Я сорвался среди ночи, сел в машину и погнал по трассе, куда глаза глядят. Нужен был воздух. Нужно было подумать.

Под утро, с опустевшим баком и измотанными нервами, я вернулся домой. Поднимаясь по лестнице, услышал приглушенный стон. Знакомый стон.

Сашка?

Он лежал на коврике у двери моей квартиры. Свернувшись калачиком, словно бездомный пес. Одетый в ту же рубашку, что и вчера. Только грязную и мятую. Вокруг разливался тошнотворный запах дешевого алкоголя. Пьяный вдрызг.

Стиснув зубы, я подхватил его под мышки и поволок в квартиру.

Кое-как дотащил до дивана и грубо бросил. Он замычал

что-то невнятное, попытался приоткрыть глаза, но тут же снова провалился в беспамятство.

Я схватил первое, что попало под руку – бутылку минералки – и окатил его холодной водой. Он дернулся, закашлялся и, наконец, сумел сфокусировать на мне взгляд.

– Женёк, ты охуел? – прохрипел он, вытирая лицо, и сел.

– Встречный вопрос! Да что с тобой такое? Мог бы хотя бы предупредить? Я, сука, полгорода поднял!

Брат молчал.

Я сверлил его взглядом.

Человеку уже под сорок, он старше меня на семь лет, а сейчас я чувствовал себя старшим.

А что, если его кто-то в таком состоянии узнал?

Амбициозный придурок мечтает однажды в Думу пойти, за здравоохранение топить, я ему что, пресс-атташе?

Почему я больше, чем он сам, беспокоюсь о его репутации, которую он так старательно создавал?

Если у тебя есть слабости и изъяны, их быстро найдут и будут по ним долбить, чтобы скинуть с Олимпа, и чем выше ты поднялся, тем больше будут бить.

Он прекрасно знал эту истину.

– Никто не должен узнать, – сказал он, потрепав свои волосы.

Я выдохнул, пытаясь унять дрожь в руках. Нельзя позволять эмоциям взять верх.

– Я и не собирался тебя выдавать, идиот, – огрызнулся я.

Сейчас не время для истерик и нравоучений. Нужно действовать.

Мы сидели в тишине. Он – размазанный по дивану, с невидящим взглядом, я – на краю кресла, натянутый как струна.

– Я не об этом. Не про сегодня. А вообще. Я не могу иметь детей, – вдруг сообщил Сашка и продолжил медленно, будто на слоу-мо: – У меня азооспермия.

Я нахмурился. Пока катался, уже прокрутил многие варианты, почему он психанул, понял, что он не может иметь детей. Его помешательство на женщинах и нестабильные браки теперь легко объяснялись. Я не мог понять одного – почему он никогда ничего не говорил?

– Как давно ты об этом знаешь?

Сашка хмыкнул:

– С тех пор как на фоне стресса он, – показал на свой пах, – перестал стоять.

Я расширил глаза. Так у него еще и эректильная дисфункция! Просто зашибись. Теперь понятно, отчего он своих жен так щедро одаривал – откупался.

– К врачам обращался? Процесс обратим?

Сашка задумчиво и хитро усмехнулся:

– Ну, бывает и встанет, вялого погоняю, но ситуации при этом могут быть разными. В прошлый раз получилось, когда в самолёте турбулентность словил, думал, что разобьемся, хорошенько тогда Стефании досталось!

Я поморщился.

– Я о фертильности твоей спермы, приятель.

О том, что и как у него стоит, я знать не хотел. Но кто моего мнения спрашивал?

Помню, Сашка рассказывал о случае, когда чуть не разбился на самолете, в красках, на ужине при своей жене. О том, что он потом отымел секретаршу, конечно же, умолчал.

Зачем мне эта информация? Моя башка скоро лопнет.

Я и так пытался понять, почему он, зная все это, так отчаянно лез в политику, почему пытался казаться тем, кем не является. Но теперь, слушая его пьяный бред, я начинал понимать, что он просто хочет доказать себе, что чего-то стоит.

Доказать, что даже с таким букетом проблем он способен на что-то большее, чем просто быть богатым импотентом.

– Биопсия решит твои проблемы, ты же в курсе? – задумчиво потер подбородок, прикидывая варианты как ему помочь. – Можешь пройти курс лечения, мы достанем твоих головастиков, а ИКСИ или ЭКО никто не отменял, ты же в курсе, кто твой брат? Я могу помочь.

Я прекрасно понимал, что такое азооспермия, шансов было очень мало, но ведь никто не исключал момент чудотворного вмешательства.

– В конце концов, у тебя есть время, чтобы попытаться. Целых четыре года.

– А что если не получится? – спросил он, словно ребенок. Смотрел на меня, как на волшебника. – Что если эта дрянь

необратима?

– Тогда на крайняк усыновишь себе наследника. Это же не запрещено завещанием.

Я подмигнул ему, стараясь придать уверенности.

– Осталось только найти женщину, которая на это все согласится, – изрек я, прикидывая во сколько ему это обойдется и какая меркантильная особа пойдет на это.

В то, что кто-то может положить четыре года на муки ради любви – я верил даже меньше, чем в здорового младенца, вылезшего самостоятельно из таза первородящей, да еще и закричавшего “Жизнь удалась!” сразу после

– Я уже нашел такую, я же говорил.

– Вы с ней только на букетно-конфетном периоде, брат, без обид, но ты сначала познакомь ее со своими скелетами в шкафу, и если она не сбежит, потом уже на что-то рассчитывай.

– Она особенная.

– Хотелось бы взглянуть, что там за особенная, ты как помешанный.

– Не-а, брат, пока она в меня не влюбится, я тебя с ней знакомить не буду, – помахал он указательным пальцем.

– Это еще почему? – абсурд достиг дна.

– Потому что у тебя рабочий член, а у меня... ик! А мне каждый раз в лепешку надо разбиться, чтобы доказать, что я тоже мужик...

Он это серьезно? Мы сейчас говорим только об этой де-

вушке или он так со всеми своими пассивностями поступал – не подпускал ко мне. И что за бред? Я что, стал бы уводить женщину от собственного брата?

– Ты там вместе с дешевым пойлом сыворотку правды нигде не прихлебнул? – отшутился я. Он еще никогда таким честным со мной не был.

– А когда бы мы еще поговорили по-душам?

– В любой день.

– Почему ты не хочешь свои 35%? – спросил Сашка, глядя на меня как на диковинную хрень.

Я пожал плечами.

– Меня устраивает то, чем я занимаюсь.

– Но... ты же себе не принадлежишь, эти вызовы в больницу в любое время суток, экстренные операции, внеплановые роды...

– Я себе принадлежу даже больше, чем кто либо, – спокойно возразил я. – И ты попробуй. Хотя бы раз сделать то, чего хочешь ты, а не то, что от тебя ждут другие.

– Я тебе клянусь, брат, я изменюсь. Прямо с этого момента. Стану другим. Создам настоящую семью. Заведу ребенка и буду их обоих на руках носить.

– Ну-ну... – цыкнул я. – Ты сначала проспись. Обещания даешь уже не хуже депутатов. Думаю, у тебя все шансы достигнуть успеха на этом поприще. Это прям твое.

– Я серьезно, с этой девушкой я стану другим.

– Мой тебе совет: будь с ней честен. Если хочешь изме-

ниться и стать тем, кого ты из себя строишь, – скажи ей всё как есть. Никто не должен губить свою жизнь ни ради тебя, ни ради меня.

– Ты прав, брат, – сонно зевнул Сашка, вырубаясь на моем диване.

Я накинул на него теплый плед и открыл окно, чтобы выветрить пары алкоголя. Накидался он, конечно как последняя скотина...

Уходя, услышал от него тихое “спасибо” и грустно хмыкнул.

Поверить не могу в то, что сегодня произошло. Мы на какой-то момент поменялись ролями.

Из двух маленьких ублюдков, которые часто сидят на плечах и что-то тебе нашептывают, я впервые был на месте пернатого с нимбом...

Взывал к совести и морали.

Я.

Рехнуться можно!

Надо бы запомнить этот эпичный момент и...

...больше никогда не повторять.

Эрика. 3 года назад

Я погуглила Боженова сразу же.

Два брака. В последнем сейчас состоит. Поговаривают, что разводится.

Ну вот, я так и знала! Не мог этот милый, добрый и веселый, к тому же красивый и богатый мужик быть свободен.

Так расстроилась, что остаток вечера просидела понуро опустив нос. Все его очарование, вся неловкая забота, все эти многообещающие взгляды – не могло мне так повезти...

Мама позвала нас к себе на “дегустацию вина” (так она называла неконтролируемые рейды в папин винный погреб), и я решила не грустить дома одна, а поехать развеяться.

Сестры окружили меня заботой и утешениями.

Мы долго сидели на кухне у родителей дома, обсуждая Сашу. Девочки вместе с мамой подкидывали безумные идеи, как вывести его на чистую воду.

Даже Элька, наша младшенькая, выдала гениальную фразу:

– Схвати его сразу за яй-... ой, – покосилась на маму, – короче... эммм, скажи ему сразу при встрече, что ты все знаешь про жену!

И смех, и грех. Всего три года разницы, а мудрости и ка-

кой-то безбашенности в ней порой больше, чем во мне. Вот вам и скромница Эля!

– Нужно быть осторожной, не отпугнуть, он же разводится, может, он больше не живет со своей супругой и любви там давно нет, – выдала напутствие мама, изрядно передегустировавшая. – Он же не виноват, что встретил тебя, моя милая, пока еще не развелся. Не спеши с выводами, сначала поговори. Вдруг он и правда тот самый, твой идеал, а я ты все испортишь.

– Мам, он повел ее на свидание, будучи формально женатым, – проворчала Эмма.

– Если бы я не дала вашему папе шанс и сразу отбрила за то, что он был еще в отношениях – вас бы тут не было.

Мы замолкли. Мама с папой, их брак – наш эталон. Идеальные отношения, о которых мы все мечтаем.

– Я бы ему красиво все высказала, – напутствовала Эмма.

– А я бы его вообще заблокировала. С женатыми встречаться нельзя, – отрезала Эля.

У всех такие разные мнения, они меня тем вечером еще больше запутали.

Зато мы наобнимались и нахохотались в тот вечер от души, и я даже забыла, от чего грустила. Обожаю свою семью!

————— ★☆☆ —————

Решила все же встретиться с Сашей в обед и поговорить. Всю ночь беспокойно спала. Сама не знаю почему.

У нас было всего одно свидание. Да, оно было прекрас-

ным, но не помню, чтобы мужик мне так в душу западал.

Что-то тянуло меня к нему, как будто что-то важное ждет меня там, в этой истории, и мне обязательно нужно там быть.

Села за столик, взяла себе кофе и ждала. Смотрела на прохожих, гадая об их судьбах, и пыталась понять, что скажу Саше. Как сформулировать свой вопрос так, чтобы получить честный ответ, а не очередную порцию сладкой лжи?

Саша появился вовремя. Вид у него был помятый, словно он тоже не спал всю ночь.

Его взгляд был каким-то виноватым, извиняющимся. И это меня немного успокоило. Может быть, он все-таки способен на искренность? Может быть, шанс на правду еще есть?

– Привет, красавица, ты прекрасно выглядишь! – промурлыкал Боженков, протягивая мне роскошный букет.

– Привет, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно. – Спасибо за цветы.

Мы обменялись комплиментами, общими фразами, обсудили погоду. Но я чувствовала, как во мне нарастает напряжение. Пора. Нужно переходить к делу. Но как? С чего начать?

Я сделала глубокий вдох, отпила глоток кофе и решила:

– Саш, мне нужно с тобой кое о чем поговорить.

– Мне нужно тебе кое-в-чем признаться, – сказал он параллельно со мной.

В Сашином голосе звучала неприкрытая тревога, он очевидно волновался и даже слегка вспотел.

– Говори ты первым. В чем ты хотел признаться?

– В двух вещах. Хочу быть честным с тобой, потому что чувствую, что ты особенная. Но начну с главного признания: я в тебя влюбился.

– Что?

Только одно свидание. Всего лишь один вечер, проведенный за разговорами и смехом, и он уже... влюбился?

Это было не просто неожиданно, это было нереально.

Открыла рот, хотела перебить его, сказать, что это невозможно, что он заблуждается, что я совсем не такая, какой он меня себе нафантазировал. Но он, словно прочитав мои мысли, продолжил.

– Знаю, что прошло слишком мало времени, со мной такое впервые. Поверь, мне много и не нужно, чтобы понять, какая ты. Пока я искал информацию о тебе... Да прости, я это сделал, и мне за это даже не стыдно... Так вот, пока я изучал всё о тебе, я уже тогда влюбился. А нет. Раньше. С того самого укола. Кстати, у меня вот такенный синяк на заднице, если тебе станет от этого легче.

Я тихо усмехнулась.

– Да, немного полегчало. Прямо торжество справедливости.

Он улыбнулся и продолжил говорить:

– Ты работаешь в больнице за копейки, хотя твои родители могут обеспечить тебя всем, чем ты пожелаешь. Ты ежемесячно жертвуешь на благотворительность. Ты иногда за-

ходишь в бокс для новорожденных, разговариваешь с ними, качаешь... пока их прокесаренные мамы все еще в реанимации. У тебя самое доброе сердце из всех девушек, которых я знаю. И поэтому я не могу тебя обманывать и должен признаться: я женат.

Он остановился и посмотрел на мою реакцию.

Я не стала изображать шок всем своим видом, дала понять, что я уже знаю об этом, и видимо то, что я не сбежала от него, не дала пощечину, как-то обнадежило его, и он немного успокоился.

В его глазах, в морщинках на лбу, читался такой болезненный страх, что во мне против воли проснулось какое-то сочувствие. Не оправдание его поступку, разумеется, но сочувствие к человеку, оказавшемуся в подобной ситуации.

Я отвела взгляд, уставившись на чашку с недопитым кофе.

Следующие несколько минут определяют, смогу ли я дать этой истории хоть какой-то шанс, или пора окончательно вычеркнуть Сашу Боженова из своей жизни.

– Мы подали на развод, и скоро закончатся все формальности. Я буду свободен. Мне жаль, что в нашу первую встречу я не сказал тебе сразу. Не хотел вводить тебя в заблуждение. Но я не сказал не оттого, что не хотел все портить, хотя и это тоже...

Саша неожиданно поднялся и встал передо мной на колени. Схватил меня за руки, переплетая наши пальцы. Стал целовать мои руки, глядя в глаза таким щенячьим взгля-

дом, что мне стало неловко.

– Я просто не мог. Физически. Смотрел на тебя и становился нем от твоей красоты. Я тупел. И когда мы расстались, только дома я вспомнил, что не сказал тебе правду.

Он говорил громко, импульсивно, прямо посреди ресторана, не стесняясь публики.

Какой-то парень его узнал, зашептался с девушкой, вытащил телефон и стал нас фотографировать. Еще несколько человек обернулись, глаза на разворачивающуюся драму.

– Я не хочу тебя обманывать, красавица. Не хочу компрометировать. Я могу подождать, не просить с тобой встреч, пока не стану официально свободен, а потом... – провозгласил он, его голос дрожал от волнения. – Потом попрошу второй шанс. Сделаю все, чтобы его заслужить. Только если ты готова. Знаю, у тебя доброе сердце и ты поймешь и простишь мою немоту...

Он говорил это так искренне, так горячо, что мне на мгновение показалось, что я попала в параллельную вселенную.

В ту, где люди влюбляются с первого взгляда, где мужчины встают на колени в ресторанах, признаваясь в любви перед толпой зевак.

– Саш... ну, ты чудак, – смущаясь, пробормотала я, взяв его лицо в ладони. – Встань, пожалуйста, мне ужасно неловко...

Его лицо просветлело.

Он встал, чуть неуклюже сел обратно на свое место, по-

правил галстук, словно возвращаясь в привычную роль.

Огляделся, будто только сейчас осознал, что потерял контроль над ситуацией. Почему-то заерзал на месте, и внезапно выдал:

– Черт, ты меня возбуждаешь, красавица! Я так испугался, что ты уйдешь после моих признаний, что вся кровь прилила ниже пояса.

Я моргнула, не понимая, почему его так это радует.

В голове промелькнула мысль, что все идет совсем не по плану... Я блин должна была линчевать его за обман, а в итоге меня будто загипнотизировали его красивые речи...

Ему бы в депутаты.

– Мы можем поговорить серьезно? – спросила я, подчеркнув каждое слово.

– Да-да, конечно, – ответил он, мгновенно преобразившись.

Он выпрямился, словно на важных переговорах, откашлялся и приготовился, наконец, меня выслушать.

В его глазах читалась готовность к любым вопросам, к любым откровениям.

– Обожаю женщин с таким серьезным подходом.

Решила спросить его начистоту:

– Это все, что я должна знать? У тебя больше нет от меня никаких тайн?

Смотрела на него серьезно, чтобы он понял, что я готова дать ему второй шанс, но только если он впредь будет честен.

А он посмотрел на меня прямо в глаза и с нежнейшей, преданной улыбкой сказал:

– Нет, никаких больше секретов, моя красавица, я перед тобой открытая книга.

Улыбка коснулась его губ. Он показался мне таким искренним, таким беззащитным, что я почти поверила ему безоговорочно.

– Хорошо. Но только после официального развода, – сказала я, сдавшись.

Что-то в груди ёкнуло, а что – не разобрала.

В конце концов, он сам сказал, что у меня доброе сердце...

...иногда даже слишком.

Женя. 3 года назад.

Две недели спустя.

– Давай-ка ты пальчики уберешь, куколка... – рыкнул я на Марину/Машу, кто из них это хотел сделать – без разницы. Просто смахнул женские руки со своей задницы. – Лучше глотай глубже!

Девчонка, походу, неопытная, не умеет делать глубокий минет. Начала давиться, кашлять. Ну... такое...

А вторая слишком крикливая и болтливая. Порно насмотрелась? Почему ей кажется, что ее бесконечный поток “трахни меня”, всех его вариаций и бессвязные визги могут вообще возбуждать? Вульгарно. Дешево. Не круто.

Заткнул ей рот членом, а неумеху поставил раком над ее подругой в позе 69. Обе пришли в восторг.

Целый гребанный секс-аттракцион: рот одной, вагина второй – выбирай, что хочешь...

Но я все равно начал терять интерес.

Скучно.

Как их не поставь, как не имей, а удовольствия никакого, азарта ноль. Одна физиология.

Я знаю ее на отлично. Особенно женскую.

Маша/Марина кончила быстрее. Вторая... Даже память

напрягать не буду, чтобы вспомнить, как ее зовут, – вслед за ней.

А я не кончил. Убрался от них, чертыхаясь.

Просто оставил их валяться в постели в посторгазменной коме и ушел в душ.

С каких пор меня уже даже секс не радует – не знаю.

Все превратилось в рутину. Доступность женщин наскучила.

Неужели я превращаюсь в своего брата? Адреналинщика, который ловит кайф только тогда, когда твой организм думает, что ты скоро сдохнешь.

К черту эти мысли! Я не такой.

Усмехнулся, стоя под струями прохладного тропического душа. Два брата-импотента. Один физиологический, второй – моральный.

На ванной тумбе завибрировал телефон.

Два часа ночи. Срочный вызов в больницу. Жена прокурора надумала рожать раньше срока.

А ведь я просил ее лечь на пару дней раньше в предродовую. Но нет, она юбилей мужу хотела во что бы то ни стало закатить! Меня приглашала как почетного гостя.

Семь лет безуспешных попыток зачать, и вот он я в их жизни: волшебник двух полосок... Или как она меня назвала?

Привезут сейчас с полным желудком, и привет заблёванный пол, в лучшем случае. А если аспирация?

Одно хорошо, вызов был моим спасением от двух подружек.

Вышел из ванной, на ходу одеваясь, бросил им не глядя:

– У меня срочный вызов, – кинул наличные на столик, зная, что женщины этого не любят, – такси сами вызовете, вы уже большие девочки. (А учитывая то, что они вытворяли – еще какие!)

Подружки были уже одеты. Не стали оставаться в постели, дожидаться продолжения. Молодцы. Смышленные.

– По номеру переведешь? Может, как-нибудь созвонимся, повторим... – мурлыкнула одна из девушек и полезла ко мне за поцелуем.

Я поймал ее за подбородок и не позволил ей коснуться моих губ.

– Прости, куколка, без номеров.

– Пойдем, Марьян, он мудака, – потянула ее подружка за руку.

Вот сейчас обидно даже. Пока они обе по очереди кончали на моем члене, ни одна из них на мои моральные принципы не жаловалась.

Я подмигнул обоим и зацепив сумку с документами, направился к двери.

– Просто захлопните за собой.

————— ★.☆.★ —————

Жил недалеко от больницы уже несколько лет. Пару раз так постоял в пробке – аукнулось проблемами.

Акушерки и медсестры, как правило, начинают действовать без моего участия, косячат, что приводит к проблемам.

К моменту моего прибытия роженица уже не в состоянии забраться на кушетку, не говоря уже о том, чтобы вытолкнуть из себя трёхкилограммового ребёнка.

Со временем я окружил себя профессионалами и работал только в одной команде. Мне позволяли любую блажь не только потому, что я брат крутого Боженова-старшего, а потому что только я способен сделать больше, чем чудо.

Да, подруга Марины/Маши правильно заметила – я действительно мудака. Но, стоит признать, мудака одаренный.

Жена прокурора оказалась ленивой изнеженной сукой, которая, зная о вреде для ребенка, вечно требовала обезбола.

Семь лет обивать пороги клиник, чтобы завести ребенка и не суметь потерпеть боль всего пару часов. Я в ахуе.

Я вымотался в хлам. Под утро уже едва передвигал конечностями.

Всё бесило.

Интересно, Серега на месте? Наш заведующий родильным отделением и мой лучший друг умел поднять настроение историями о своей стерве бывшей.

Поднялся на верхний этаж, вышел в коридор и наткнулся на брата, выходящего из зала, где он часто любил проводить переговоры или давать интервью, или брать взятки... в общем, занят был двадцать четыре на семь.

Сиял, как результат мазка на флору без отклонений.

– О, боженька двух полосок! – ухмыльнулся он, хлопая меня по плечу так, словно я его старый приятель, а не брат, с которым мы последний раз нормально разговаривали лет десять назад.

Я повел его попить кофе.

Не то чтобы я горел желанием слушать его, но запах свежесваренного кофе манил, да и отвлечься на несколько минут от этой больничной суеты было необходимо.

Впереди еще приемный день, а я не спал.

И жалел не о внеплановых родах, а о тройничке со знойными девочками из бара.

Когда они узнали, что я врач-акушер, решили, что я срочно нужен для осмотра... Одна из самых пустых трат моего драгоценного сна.

Кофе оказался отвратительным, пережженным, как моральные принципы моего брата.

Санёк же вовсю распиался о новом контракте, о миллионах, о перспективах...

Я кивал, делая вид, что внимательно слушаю, а сам думал о том, как сильно мне нужен отпуск. На море. Подальше от тупых обходов и интернов, падающих в обморок на родах на учебной смене.

– Ладно, ближе к делу, – лениво протянул я. – Ты все рассказал своей “особенной”? Всю правду? И как она восприняла что ты еще женат?

– Я был честен, как и обещал, – брат постучал себя по груди. – Сказал все, как есть. Она ждет, пока я официально разведусь.

– Зачет, – кивнул я. Она знает себе цену.

– Слушай, брат, – заговорил он тише, оглядываясь, будто коды доступа к взлому Пентагона раскрывает. – Как проверить ее на фертильность? Ты можешь придумать?

– Ты же в курсе, что мы говорим о девушке, а не о корове, Сань, ты, блин, прежде чем ее купить, собираешься еще и проверять? Да кто, нахрен, на это согласится? Я и сам хочу тебе врезать всего лишь за твои тупые идеи.

– Брат, я знаю, что делать! – вдруг осенило его, когда он глянул на рекламный плакат от ноунейм клиники, предлагающий медосмотр со скидкой. – В конце концов должны же быть привилегии у начальства. Проведем мед комиссию для сотрудников. За счет работодателя. скажем, для профилактики. С заботой о сотрудниках, естественно. Она же работает на нас. Она придет на осмотр.

– Выглядит как благотворительность, если не знать подоплёки, Сань... Иногда мне кажется, что ты, блядь, не с нашей планеты... Я не понимаю, как мы можем быть братьями.

Я встал и ушел, но у двери решил уточнить. Вдруг он не понял:

– И не ввязывай меня в это, найди любого другого гинеколога, я заглядывать между ног всем с кем потом работать не собираюсь!

Женя. 3 года назад

Еще неделю спустя

– Сынок, ты, может, тоже подумаешь о наследстве? – мама положила свою теплую ладонь на мою руку. – Тебе уже тридцать.

– Да, я в курсе, мам, – ответил я, убирая руку.

Мать продолжала буравить меня взглядом. В ее глазах читалось отчаяние. Она хотела счастья для своих детей. Она хотела, чтобы мы нашли любовь, создали семьи, подарили ей внуков. Она хотела, чтобы мы прожили жизнь, которую она сама не смогла прожить.

Но она не понимала, что ее собственная жизнь, ее собственный брак, стали для нас предостережением, анти примером. Как можно хотеть того, что разрушило твоих родителей?

Я сыт по горло воспоминаниями о том, как отец с матерью жили. Они ругались каждый день и люто ненавидели друг друга. Но они продолжали жить вместе, мучая друг друга и нас.

Я долго не мог понять, почему они это делали. Может, из-за детей? Или из-за денег? Или из-за страха остаться одним? Я до сих пор не знаю ответа. Но я знаю одно: я не хочу по-

вторить их судьбу.

За что они так отчаянно держались? В нашей семье не осталось ни ценностей ни взаимного уважения. Одни претензии и упреки и скандалы, скандалы...

Почему брат так стремился попасть в этот ад под названием брак? Хотел доказать, что у него лучше получится? Ха-ха. На его третьей попытке я умываю руки. На свадьбу с его “особенной” не приду. Не вижу смысла. Если она, зная о его проблемах, все равно согласится за него выйти – я окончательно разочаруюсь в женщинах.

– Мам, я разберусь.

– Ты же не будешь всегда работать в больнице?

– Есть еще и клиника.

– Не могу понять, почему в тебе нет таких же амбиций, как у твоего брата?

– Они у меня есть. Я лучший в своем деле.

– И я тобой горжусь.

– Да, я заметил... – хмыкнул я, вставая из-за стола.

Зачем она пришла? Хочет снова напомнить мне, что я выбрал не тот путь, который ей бы хотелось?

– Я к тому, что Саша давно руководит семейной компанией, а ты держишься в стороне.

– Может это потому что я не нуждаюсь во внимании? – улыбнулся я.

– Дело не во внимании. А как же долг перед семьей? Перед делом, которое веками кормило нас?

Я откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы в замок. Знакомая песня.

Каждый раз, когда визит мамы в мой, как она выражается, "убогий лофт", преследовал одну и ту же цель – пробудить во мне чувство вины за то, что я не спешу стать наследным принцем корпорации.

– Мам, я врач. Я помогаю новым людям прийти в этот мир. И, как ты знаешь, успешно. А Саша – хороший... менеджер. Он умеет увеличивать прибыль. Разные вещи, разные призвания.

Она вздохнула, этот полный разочарования вздох, который я слышал всю свою жизнь.

– Ты мог бы и то, и другое. У тебя же все есть для этого. Интеллект, харизма...

“А еще функционирующий хер и полные яйца сперматозоидов, которые найдут свою лучшую судьбу в чьем-то аппетитном ротике! – добавил я мысленно, но вслух сказал другое:

– И отсутствие интереса к финансовым отчетам, переговорам и вниманию общественности, – закончил я за нее. – Мам, пойми, я не хочу этого. Не хочу возглавлять семейный бизнес, не хочу заседать в совете директоров. Мне интереснее делать свою работу.

– А что, если у Саши не получится? Ваш дедушка, он... если бы я знала о его планах на наследство, то...

– То что? Была бы помягче с двумя предыдущими невест-

ками?

Она не испытывала симпатии к обеим бывшим Саши и полагала, что они не подходят её «сыночке-корзиночке».

Это ещё одна причина, по которой я никогда не представлю ей свою женщину... (Если хотя бы одна из них останется в моей жизни дольше предыдущих!)

– Очень жаль, что он потерпел неудачу с этими девочками...

“Не по Станиславскому, мам!”

– О, на третью попытку Сашка особенно изловчится, поверь.

– А ты?

– А у меня есть все, что мне нужно.

Я встал и подошел к окну,

Ну и мерзость!

Везде лед. Этот идиотский ледяной дождь, про который все орали еще вчера, превратил город в каток. Провода, как кишки, свисали с опор. Апокалипсис в масштабе столицы.

Интернет, конечно же, сдох в самый неподходящий момент. Спасибо провайдеру за “стабильность”.

Главное – чтобы в клинике свет не вырубился. А то будет весело лезть в вагину пациентки при свечах. Романтика, блин.

Ну и денек на работе будет! Хотя бы операцию нормально провести. Сегодня интересный случай. Редкая патология. Если все пройдет гладко, можно будет хоть немного реабили-

литироваться в глазах начальства, на которое я наорал пару дней назад.

Хотя, если честно, плевать я хотел на их мнение. Главное – сделать свою работу хорошо. Остальное – лирика.

– Я понимаю твое нежелание конкурировать с братом, – сказала мама после долгой паузы. – Но ты должен помнить, что ты – часть семьи. И твои достижения – это и наши достижения.

Я повернулся к ней.

– Я знаю, мам. И я никогда не отрекался от семьи. Просто, дай мне спокойно идти своим путем.

В ее глазах мелькнула усталость.

– Ладно, – сказала она, – я просто... не забывай о том, что перед тобой открыта дверь, за которой большие возможности. А ты просто проходишь мимо.

Промолчал. Смысла спорить дальше не видел.

Мама подошла и обняла меня крепко, по-матерински.

Я отпустил ее из объятий и легонько улыбнулся.

– Не волнуйся, мам. У меня все хорошо. Я счастлив.

Она ушла, оставив меня наедине со своими мыслями. Я снова подошел к окну и смотрел на ледяной город.

В душе зародилось неприятное чувство.

“Счастлив”. А так ли это?

————— ★.☆.★ —————

Вышел из больницы и медленно пошёл по льду. Несмотря на то что его присыпали солью, идти было всё равно очень

скользко.

Операция прошла идеально.

Как же сияли глаза этой женщины, когда она впервые взяла на руки своего сына... Слезы счастья. Настоящие, искренние.

У ребенка была патология, она знала об этом с самого начала и все равно решила рожать. Восхищаюсь смелостью таких матерей. В наше циничное время это почти подвиг.

Задумался об этом... и, естественно, поскользнулся.

Гравитация, зараза, беспощадна!

Шлепнулся всем весом на руку.

Черт! Нет-нет-нет, руки мне ломать нельзя! Только этого не хватало.

Еле встал, отряхиваясь, и тут звонок. Номер Валерки. Что ему понадобилось?

– Спасай, доктор-волшебник! – вопил он в трубку. – Умоляю, начни осмотр за меня! Последний день профосмотра мед сотрудников! Не успеваю, лед проклятый, занесло, влипился в бок “Мазде”, ждем гайцов, а те по дороге сюда тоже в ДТП попали... короче, это надолго.

Вот тебе и радость от успешно проведенной операции. Валерка, хоть и крутой специалист, – вечный магнит для неприятностей. Ладно, что поделать.

– Сколько? – вздохнул я.

– Ну, ты меркантильный ублюдок, я не знаю... сколько ты хочешь?

– Я про то, сколько там мед сотрудников, идиот, – вздохнул я, тряся рукой. Немного побаливала, но в целом шевелить можно. – Жди своих гайцов, возьму твою работу. С тебя кофе.

Отключился. Хотел спокойно кофе попить перед началом своих приемных часов... Но нет же!

Как я ни пытался уклониться от “проф осмотра”, затеянного братцем – все равно не смог избежать участи.

Пришел в клинику переоделся в халат, взял кофе из автомата и пошел в кабинет Новака Валерки.

На регистратуре мне сообщили, что в кабинете уже давно ждут.

– Кто? Пациентка или наша?

На ресепшене девочка развела руками:

– Базы висят, пока не могу посмотреть.

– Ладно, понял, – устало потер переносицу. – Дай бланк для осмотра.

Придется делать двойную работу: сначала заполнять бланк вручную, а потом вбивать в базу.

– А, и Наташа, медсестра, отлучилась на несколько минут.

– Начну без нее, справлюсь, – буркнул я, отпивая кофе.

Но прежде чем зайти, на всякий случай уточнил:

– Та женщина в кабинете – блондинка или брюнетка?

Ресепшионистка недоуменно нахмурилась, не уловив сути моего вопроса. Ей не дано постичь моих душевных терзаний.

Я не смогу переступить порог, если там может оказаться брюнетка, которая, возможно, станет невестой моего брата.

– Блондинка, – ответила девушка на ресепшене.

– Уже лучше.

Я вошел в кабинет, опустил глаза в бланк, заполняя стандартные поля: сегодняшняя дата, фамилия врача...

Оторвал взгляд и...

Вау! Просто вау!

На месте пациентки сидела утонченная, изящная, грациозная блондинка аристократичной внешности.

Очень светлые, почти белые волосы, собранные в небрежный пучок на затылке. Несколько непослушных прядей кокетливо выбивались, обрамляя ее идеально овальное лицо.

Глаза – огромные, василькового цвета – затуманенные не то какой-то жаждой, не то стыдом...

Тонкий носик, пухлые губы, простое, но элегантное платье из струящейся ткани зеленого цвета, подчеркивающее ее хрупкую, но соблазнительную фигуру.

Она была чем-то похожа на фею Динь-Динь из диснеевского старого мультика, только с сексуальным румянцем на щеках и...

Как, черт бы ее побрал, она вкусно закусывала нижнюю губку!

О, с такой бы феечки я бы с удовольствием стряс волшебную пыльцу...

Эрика. 3 года назад*******

Ожидание тянулось томительно. Хорошо, что у меня сегодня выходной и не нужно было торопиться на смену.

С другой стороны – у меня в десять стрижка. На нее, блин, теперь не успею.

Это все гололед! Из-за него вся неразбериха. И врач прилично опаздывает. Как там его? Вадим Семенович...

От скуки, а может, и от нервного предвкушения, я открыла сайт, где сестра выкладывала свои романы.

Эля всегда грешила излишней откровенностью, но чтобы настолько...

Роман назывался «Запретные желания», и уже с первых строк стало ясно, что речь пойдет далеко не о безобидной любви.

Описание первой встречи главных героев было настолько чувственным, настолько пропитанным эротизмом, что щеки моментально вспыхнули.

Господи, Эля, ну зачем так подробно?

Пальцы забегали по экрану, будто нехотя пролистывая страницу за страницей, но на самом деле с неописуемым интересом.

Описание их первой ночи было просто... взрывным.

Каждое слово, каждая фраза, написанная сестрой, будоражила воображение и заставляла сердце стучать с удвоенной скоростью.

Что ж, признаюсь, горячие сцены нашей скромнице дают-ся на “ура!”...

Я сжала ноги. Внизу живота появилось щекочущее ощущение.

Читать такое перед осмотром у гинеколога – идея так себе. Но остановиться было невозможно.

В этот момент дверь кабинета открылась, и на пороге появился врач. Новак Вадим Семенович.

Я почему-то представляла себе эдакого профессора в очках, умудренного опытом. Но передо мной стоял молодой мужчина, лет тридцати, не больше.

Высокий, подтянутый, с пронзительным взглядом серых глаз и короткой темной стрижкой.

Легкая небритость придавала его лицу еще больше мужественности. Он был... чертовски привлекательным!

Я шумно сглотнула, от неожиданности чуть не выронив телефон. Сердце забилося с такой силой, что казалось, вот-вот выскочит из кабинета.

Горячие главы романа Эли и без того взбудоражили меня до предела, а тут еще этот... Вадим Семенович.

– Простите за задержку, на улице черт-те что, – произнес он сухо, окинув меня оценивающим взглядом. Отставил стаканчик кофе на стол и туда же бланк для осмотра, словно

собирался запомнить все ответы на стандартный протокол осмотра. – Готовы?

Я кивнула, скрестив ноги, стараясь взять себя в руки и унять бешеное сердцебиение.

Читать порнушку сестры перед осмотром было большой ошибкой. Огромной, катастрофической ошибкой!

Его стандартные вопросы для сбора анамнеза звучали спокойно. Но вот каждый мой ответ был для меня, как вызов для интеллекта. Который, к слову, испарился, как только этот великолепный мужчина вошел в кабинет.

– Э-э... да... цикл... немного нерегулярный... в последнее время... – пролепетала я, чувствуя, как краснею еще сильнее.

Вадим Семенович внимательно посмотрел на меня, словно пытаюсь разгадать, что скрывается за моей сбивчивой речью.

В его взгляде не было ни осуждения, ни удивления – только профессиональное спокойствие. И это спокойствие почему-то действовало еще более обезоруживающе.

– Понятно, – кивнул он, не отрывая взгляда. – Когда была последняя менструация?

Вот и попалась. Вопрос, на который любая женщина ответит не задумываясь. Но в моей голове сейчас царил хаос. Полный ступор.

– Э-э... я... не помню... точно... кажется... в прошлом месяце... – выдавила я, ощущая себя полной идиоткой.

Он приподнял бровь, но промолчал. Лишь слегка улыбнулся уголками губ, словно понимая, что что-то не так.

– Логично, – произнес он мягко. – Примерно хотя бы?

Я судорожно пыталась вспомнить дату. В голове крутились лишь развратные сцены из романа.

– Ну... где-то... в середине... наверное... – пробормотала я, готова сквозь землю провалиться.

Вадим Семенович вел себя так, словно я – обычная пациентка с обычными проблемами.

Только вот он сам далеко не обычный мужик. Он красавчик! От него веяло мощной мужской энергией, силой, харизмой. Он был уверен в себе, профессионален до тошноты, манеры, речь, внешний вид – ходячий секс!

И почему я раньше никогда не видела его в клинике?

– А что-нибудь еще беспокоит? Боли, выделения? – продолжал он допрос.

Я отрицательно покачала головой. Болела только промежность... от желания, а выделялся... адреналин. Просто супер-всплеск какой-то!

– Беременности были? Роды, аборты, выкидыши?

Снова покачала головой.

– Ничего из этого.

– Какую используете контрацепцию?

Я вздернула бровь, понимая, что он ловко пропустил дежурный вопрос, веду ли я половую жизнь.

Сукин сын, уже поставил галочку напротив этого вопроса,

смерив меня равнодушным взглядом от кончиков ресниц до щиколоток.

Легкое... какое-то намеренное высокомерие сквозило в его беспристрастности, словно пытался мне показать, что я всего-лишь одна из сотен пациенток, проходящих через его кабинет за день.

– Только презервативы, – ответила я, стараясь сохранить спокойствие в голосе.

Да, я не модная. Зная о существовании гормонов, имплантов, инъекций и прочего, предпочитала не делать с собой ничего.

– Принимаете ли лекарства, гормоны?

Помотала головой.

– Гинекологические заболевания, операции, госпитализации?

Снова помотала, ощущая себя экспонатом в музее совершенства. По анамнезу я – идеальный пациент без патологий, ходячая реклама здорового образа жизни.

За моей спиной не тянулся шлейф абортот, выкидышей и операций. Я – чистый лист, готовый к написанию новой истории.

Он кивнул, словно оценивая качество образца, и указал на ширму. Слова прозвучали отстраненно, словно он произносил заученный текст.

– Тогда проведем осмотр.

Венка на его виске при этом слегка, едва заметно, дерну-

лась. Мимолетный тик выдал скрытое напряжение, которое он так старательно пытался спрятать за маской безразличия.

Это был проблеск чего-то человеческого в этом воплощении медицинской науки.

Момент истины.

Сейчас мне предстояло раздеться и забраться на это проклятое кресло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.